
Кира Роуз
РАЗВОД.
ТЫ ВЫБРАЛ
её сына
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кира Роуз

Развод. Ты выбрал ее сына

«Литнет»
2026

Роуз К.

Развод. Ты выбрал ее сына / К. Роуз — «Литнет», 2026

Драматично ⋆ Напряженно ⋆ ХЭ — И хватит скрывать главное, — голос моего мужа разносится по банкетному залу. Он с гордостью сжимает плечо молодого парня. — Это мой старший сын. Зал взрывается аплодисментами, а я не могу сделать и вдоха. Парню двадцать пять лет, ровно столько мы в браке с моим мужем.Муж всю жизнь скрывал от меня своего сына, а когда мы раскрутили нашу общую фирму, решил усадить его в кресло директора. Но чтобы освободить для него место, мой муж жестоко подвел под уголовку нашего общего сына. Он уверен, что я проглочу унижение, подпишу нужные бумаги и продолжу работать на его империю. Но он забыл, кто на самом деле построил этот бизнес. Ты выбрал своего сына, Олег. А я выберу себя и нашего ребёнка, которого ты решил уничтожить!В тексте есть: #измена #развод_и_месть #сильная_героиня #противостояние_характеров #тайный_ребенок #ХЭ НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

© Роуз К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Первый сын 5
Глава 2. Место моего ребёнка 9
Глава 3. Уволен и обвинён 14
Глава 4. Все знали, кроме меня 17
Глава 5. Моя подпись 20
Глава 6. Единственное доказательство 23
Глава 7. Двадцать пять лет за мой счёт 26
Глава 8. Цена молчания дочери 30
Глава 9. Мать виновного 34
Глава 10. Выбирай сына 37
Глава 11. Сорок восемь часов 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Глава 1. Первый сын

Инга

— Антон больше не представляет нашу компанию.

Голос Олега раздаётся за моей спиной в тот момент, когда я собираюсь назвать имя сына.

Я ещё держу ладонь над сенсорной панелью. На экране открыт последний слайд: структура медицинского направления «Меридиана», склады, маршруты, ответственные руководители. Моя фамилия стоит первой. Под ней должна появиться фамилия Антона.

Но строка пустая.

В зале затихают аплодисменты. За круглыми столами сидят банкиры, партнёры, сотрудники с семьями, комиссия «Целиоры». Пахнет горячим воском, духами и мясом, которое официанты только начали разносить. На белом экране медленно вращается юбилейная эмблема: «Двадцать лет в движении».

Олег подходит ко мне в тёмно-синем костюме, который утром отправляла отпарить я. Галстук чуть съехал вправо. Обычно перед выходом я поправляю его сама. Сегодня муж проходит так близко, что касается рукавом моего локтя, и даже не смотрит на меня.

— Что значит — не представляет? — спрашиваю я в микрофон.

Софья стоит у сцены рядом с пресс-службой. Дочь прижимает планшет к груди и смотрит на отца.

Олег берёт второй микрофон. Улыбается гостям той спокойной улыбкой, которой двадцать лет снимал напряжение после собственных рискованных решений.

— Кадровые изменения обсудим позже. — Он поворачивается к залу, оставляя меня сбоку. — Не будем превращать юбилей в семейное совещание.

Кто-то неловко усмехается. Я кладу ладонь на холодный край трибуны.

— Ты сам превратил его в семейное совещание, когда вышел во время моей презентации и сообщил, что наш сын больше не работает в компании. Где Антон?

Улыбка на лице мужа становится жёстче. Я узнаю этот взгляд: решение уже принято, и его раздражает только то, что окружающие не успели согласиться.

— Антон отстранён до окончания внутренней проверки, — отвечает Олег после паузы.

Я не успеваю спросить, какой именно. Дверь из служебного коридора открывается, и к сцене идёт молодой мужчина, которого я раньше не видела. Высокий, темноволосый, в сером костюме без галстука. У первой ступени он на мгновение задерживается, будто ждёт разрешения. Олег едва заметно кивает.

Мужчина поднимается и встаёт между нами.

У него похожий разворот плеч. Та же привычка щуриться от света. И линия рта, которую я двадцать шесть лет вижу напротив себя за завтраком.

Нет.

Я успеваю подумать это раньше, чем Олег кладёт ему ладонь на плечо.

— Раз уж возник вопрос о новой структуре, представлю человека, который возглавит её с сегодняшнего дня. Глеб Арсеньев. Новый исполнительный директор «Меридиан Логистик».

Аплодисменты начинаются не сразу. Первой хлопает сотрудница пресс-службы. Затем присоединяются руководители подразделений, не понимающие, что ещё им остаётся. Софья смотрит в погасший планшет.

Глеб переводит взгляд с зала на меня и не отводит глаз.

Я жду любой лжи: приглашённый специалист, сын старого друга, новый партнёр. Но на лице Олега появляется выражение, с которым он когда-то держал новорождённого Антона перед стеклом роддома.

— И хватит скрывать главное. — Муж прочищает горло и крепче сжимает плечо Глеба. — Это мой старший сын.

Аплодисменты обрываются неровно. Несколько хлопков ещё звучат в тишине и от этого кажутся неприлично громкими.

На экране появляется фотография Олега и Глеба у нашего нового терминала. Лето, открытые ворота, на стене ещё нет вывески. В тот день мы с детьми ждали Олега в ресторане: была наша годовщина. Он сказал, что задержался с подрядчиками.

— Сколько ему лет? — спрашиваю я, не отрывая взгляда от мужа.

Олег пытается остановить меня одним взглядом.

— Инга, сейчас не время.

Я не отвожу от него взгляда.

— Тогда назови число и продолжай свой праздник.

Глеб сцепляет пальцы перед собой. Олег замечает это и чуть поворачивается к нему, словно прикрывает.

— Двадцать пять.

Мы женаты двадцать шесть лет.

Число застревает где-то за грудиной. Потом вспоминается первая беременность, съёмная квартира у шоссе, угроза выкидыша и пятничные поездки Олега «к перевозчикам». Я благодарила его за то, что он один тянет начинающий бизнес.

Он тянул ещё одну семью.

— Ты знал о нём, когда я носила Антона?

— Возьми себя в руки. — Олег произносит это тише, но микрофон ловит каждое слово. — У нас гости и важный контракт.

Я смотрю на его ладонь на плече Глеба. На обручальное кольцо, которое утром сама вытащила из кармана его пиджака: «Пальцы в дороге отекли». На дочь, которая всё ещё не выглядит удивлённой.

По шее поднимается жар. Я беру микрофон со стойки раньше, чем муж успевает остановить меня.

— Поздравляю нового исполнительного директора, — обращаюсь я к залу. Несколько человек заметно расслабляются, ожидая, что я сглажу скандал. — Однако представленный сегодня проект подготовлен без участия господина Арсеньева. До проверки документов передача полномочий не вступит в силу.

Глеб поворачивается ко мне всем корпусом. На его лацкане наш корпоративный значок. Такие выдают только после решения совета.

— Решение уже принято, Инга Андреевна. — Он говорит негромко, но уверенно. — Совет утвердил моё назначение утром.

Я смотрю на Олега.

— Без финансового директора?

Муж накрывает микрофон рукой и тянет к себе, рассчитывая, что при камерах я не стану сопротивляться. Я отпускаю, и он едва не теряет равновесие.

— Ты не знакома со всеми материалами, — бросает Олег, выпрямляя стойку. — Не делай выводов на сцене.

— Если совет прошёл без меня, ты либо врёшь, либо провёл его в обход устава.

По залу проходит шорох. Один из членов совета снимает очки и опускает голову. Значит, заседание было.

— Где Антон? — повторяю я.

Олег смотрит к столу представителей «Целиоры» и на мгновение забывает о камерах. Вопрос о нашем сыне пугает его сильнее, чем публично признанная измена.

Ответить он не успевает.

— Олег Павлович, нам действительно потребуется объяснение.

Руководитель закупочной комиссии «Целиоры» Марина Викторовна Селезнёва поднимается со своего места. Перед ней лежит распечатка моей презентации.

— Сегодня утром нас уведомили о списании партии препарата для «Целиора Кидс», — продолжает она. — Перевозку выполнял «Меридиан». Обещанный отчёт мы не получили.

В животе будто проворачивается что-то тяжёлое. В ночной сводке все рейсы были закрыты без происшествий.

— Какой препарат? — спрашиваю я у неё.

Мужчина рядом показывает Селезнёвой экран телефона. Она читает и на секунду прикрывает глаза.

— Противосудорожный. Индивидуально ввезённая партия. Ребёнка ночью перевели в реанимацию, замену пришлось искать через другой регион.

По залу проходит тяжёлый выдох.

Я вижу перед собой белую дверь рефрижератора и экран датчика возле замка. Антон сам настоял на двойной телеметрии. Он мог ошибиться. Но скрыть списание и не сказать мне — нет.

— Кто отвечал за перевозку? — спрашиваю я, уже зная ответ.

Олег поворачивается медленно. На его лице появляется почти облегчение: разговор наконец пришёл туда, куда он его вёл.

— Антон. Медицинское направление находилось под его оперативным контролем. После предварительной проверки его отстранили и передали материалы службе безопасности.

Я делаю шаг к мужу.

— Кто проводил проверку? Почему меня не уведомили о списании?

Олег смотрит на комиссию «Целиоры». Отвечать мне он не спешит; ему важнее первым объяснить залу, почему финансовый директор узнаёт об инциденте последней.

— Инга сейчас говорит как мать, — произносит он в микрофон с почти сочувственной мягкостью. — Я не мог допустить, чтобы родственные чувства повлияли на выводы службы безопасности.

За столом банка кто-то кивает. Мне отвели роль женщины, которая прикрывает виновного сына.

— Чтобы исключить меня из расследования, тебе пришлось убрать списание из ночной сводки. Кто приказал скрыть акт?

Улыбка на лице Олега гаснет. Глеб сильнее прижимает к боку чёрную папку; на обложке красной строкой напечатана фамилия Антона.

— Вы читали его объяснение? — спрашиваю я.

Олег сдвигается, заслоняя Глеба плечом, но тот понимает, что молчание выдаст больше ответа.

— Только выдержку. Антон Олегович утверждает, что сигнал не поступил, а данные изменились после маршрута.

Муж резко поворачивается. Пока я готовила презентацию, человек, о существовании которого не знала, читал закрытые документы моего сына.

Марина Викторовна поднимается из-за стола.

— «Целиора» приостанавливает переговоры до получения необработанной телеметрии и полного протокола проверки.

Олег спускается к ней. Я иду к Софье, но дочь отступает за стойку пресс-службы и гасит планшет. На экране успевает мелькнуть фотография Глеба у нашего терминала.

Я поворачиваюсь к мужу.

— Где Антон?

Олег возвращается слишком быстро.

— На Северном терминале. Даёт пояснения. И ты туда не поедешь, пока мы не поговорим.

За его спиной Глеб открывает папку. Верхний лист озаглавлен: «Признание ответственности».

Я достаю телефон и вызываю такси.

Глава 2. Место моего ребёнка

— У меня нет допуска к протоколу собственного сына?

Я говорю тихо, но Глеб сильнее прижимает папку к боку. Олег первым оглядывается на камеры. Журналисты уже спускаются к сцене, официанты замерли у стен с подносами. В перегретом зале пахнет мясом, духами и горелым воском.

— Не здесь. — Муж подходит ближе и поворачивает меня к служебному коридору. — Пойдём в кабинет.

Я сбрасываю его руку.

— Я еду к Антону.

Олег хватает меня за локоть уже крепче, чем у сцены. Улыбается мужчине с камерой и только сильнее сжимает пальцы.

— Ты никуда не поедешь, пока мы не поговорим. Софья, проведи маму.

Дочь подходит, бледная, с размазанной помадой.

— Мам, давай уйдём отсюда. — Она оглядывается на журналистов. — Здесь все снимают.

Не «что он сделал». Не «я ничего не знала». Здесь все снимают.

Я смотрю на её гарнитуру, бейдж пресс-службы, планшет. Софья отвечала за порядок выступлений и материалы для журналистов. Фотография Олега с Глебом не могла появиться на экране сама.

— Ты знала, что он выйдет на сцену?

Дочь сначала смотрит на отца, потом на мою руку, которую он всё ещё держит. Олег отпускает меня.

— Не устраивай допрос ребёнку, — бросает он. — Она выполняла рабочие задачи.

Ребёнку двадцать лет. Через месяц она получает диплом. Но когда нужно отвечать, отец мгновенно возвращает ей детство.

— Я спросила не тебя. — Я жду, пока Софья поднимет голову. — Ты знала?

Она молча отступает к служебному коридору.

Этого достаточно.

— Пять минут, — предупреждаю я Олега. — Потом еду к Антону. Попытаешься задержать — вызову полицию прямо сюда.

Он замечает направленную на нас камеру и сразу смягчает голос:

— Хорошо. Пять минут.

Мы проходим за сцену. Здесь пахнет пылью от портьер, кофе из бумажных стаканов и свежей краской декораций. Софья открывает служебный кабинет. На кресле лежит дорожная сумка Олега, рядом — мужские туфли другого размера и серый галстук.

Глеб был здесь до выхода.

Я закрываю дверь. Софья остаётся у стены. Глеб кладёт папку на стол и встаёт рядом с Олегом. Когда они стоят бок о бок, я уже не могу не замечать одинаковый прищур и привычку чуть выдвигать подбородок.

— Начинай, — говорю я мужу. — Когда он родился?

Олег стягивает микрофон-петличку. Провод цепляется за пуговицу, клипса падает на стол.

— Сейчас главное — авария.

— Для меня главное — двадцатипятилетний сын моего мужа. Когда ты о нём узнал?

Олег смотрит на дверь, словно ещё может уйти к гостям.

— Почти сразу после рождения.

У меня подгибаются колени. Я сажусь на подлокотник дивана, и твёрдый край впивается в бедро.

— Я была беременна Антоном?

Муж отвинчивает крышку бутылки, но не пьёт.

— Да.

Софья тихо втягивает воздух. Значит, этого она не знала.

Я вспоминаю первую зиму после свадьбы. Мне нельзя было вставать с кровати, Олег пропадал «на работе», возвращался поздно, пах морозом, бензином и чужими сигаретами. Я благодарила его за то, что он один спасает молодой бизнес.

— Кто его мать?

Глеб напрягается. Олег ставит бутылку на стол слишком аккуратно.

— Вероника Арсеньева.

Имя всплывает вместе со старой фотографией: высокая девушка возле Олега, его первая любовь, с которой он якобы расстался до нашей встречи. Однажды я увидела её на похоронах преподавателя. Она подошла к мужу слишком близко, а вечером он смеялся над моей ревностью.

«У человека семья, Инга. Перестань придумывать».

Теперь её семья стоит напротив меня.

— Ты был с ней после нашей свадьбы?

Олег делает глоток, давится водой и кашляет.

— Не надо разбирать, кто с кем был двадцать пять лет назад. Глеб существует. Я не стану делать вид, что его нет только потому, что тебе тяжело принять правду.

У меня вырывается короткий хриплый смешок.

— Ты скрывал сына двадцать пять лет, сегодня отдал ему должность Антона и даже не предупредил меня. А проблема в том, что я плохо принимаю правду?

Муж раздражённо отставляет бутылку.

— Я собирался сказать после тендера. Всё пошло не по плану из-за аварии.

Слово «план» цепляется крепче всего.

— Значит, ты всё подготовил? Убрать Антона, поставить Глеба, получить контракт, а потом сообщить мне дома?

Глеб резко отталкивается от стола.

— Я не человек, которого поставили на чужое место. Я был его сыном всё это время. Просто вам было удобно обо мне не знать.

Обе его ладони ложатся на стол, костяшки белеют.

— Мы встретились десять минут назад. Каким образом мне могло быть удобно не знать то, что от меня скрывали?

Глеб качает головой, будто я намеренно отказываюсь признать очевидное.

— Отец не хотел разрушать вашу семью. Он помогал мне, приезжал, участвовал в моей жизни. Открыто признать не мог. Вы бы не позволили.

Глеб произносит это быстро, будто повторял много раз.

— Я бы не позволила чему? Общаться с ребёнком? Или жить на две семьи и потом обвинить женщину, которой никто ничего не сказал?

На его лице мелькает сомнение, но Олег вклинивается раньше:

— Хватит нападать на него. Глеб не виноват. Виноват я. Можешь предъявлять мне что угодно, но моего сына ты унижать не будешь.

Моего сына.

Он говорит это, закрывая Глеба плечом. Антон сидит перед службой безопасности, и Олег его собой не закрывает.

— А Антон тебе кто?

Муж дёргается, будто я его толкнула.

— Не начинай.

— Я ещё не начинала. — Подхожу к столу и кладу ладонь на папку. Глеб сразу накрывает её своей рукой. — Отдайте протокол.

Он не убирает пальцы.

— Материалы проверки защищены. Я не могу их передать.

— Что именно Антона заставляют признать? — Я смотрю на Олега, но тот выдёргивает папку из-под наших рук.

Край листа выскальзывает наружу. Я успеваю увидеть таблицу с временем и температурой.

— Ты ничего не получишь, пока не перестанешь путать защиту сына с управлением компанией, — говорит муж и прячет папку под дорожную сумку.

— Я отвечаю за списание груза. В ночной сводке инцидента не было. Во сколько вошли под учётной записью Антона?

Олег застёгивает пиджак, будто разговор уже окончен.

— Наш сын допустил серьёзное нарушение. Из-за него ребёнок в реанимации. Я обязан действовать как руководитель.

— Поэтому действуешь как отец Глеба? — спрашиваю я.

Софья перестаёт теребить застёжку планшета. Олег поворачивается ко мне, щёки краснеют пятнами.

— Я назначил человека, которому доверяю. Глеб получил образование, работал в отрасли. Я хочу дать ему возможность, которой он был лишён из-за моих решений.

Я смотрю на папку под его сумкой.

— За счёт Антона?

Муж отводит глаза к столу и поправляет манжету.

— Антон сам лишил себя должности.

Олег пытается отвернуться, но я не даю ему закончить разговор этим приговором.

— Проверка не закончена.

— Предварительных материалов достаточно, — отвечает он после паузы.

Я перевожу взгляд на Глеба.

— Вы видели телеметрию?

Он медлит, но кивает.

— Выгрузку. Там повышение температуры и отсутствие реакции ответственного сотрудника.

— А объяснение Антона? — уточняю я, не позволяя ему уйти от сути.

Глеб проводит пальцем по краю стола.

— Он написал, что сигнал не поступил, а данные изменились после маршрута. Но в журнале стоит его учётная запись.

Вот что они скрывали.

— Во сколько был вход?

Олег хватает пиджак с кресла.

— Разговор закончен. Ты едешь домой, утром встречаемся с юристами.

Я заслоняю дверь.

— Назови время.

Муж останавливается совсем близко. От него пахнет знакомым одеколоном, и впервые этот запах вызывает тошноту.

— Ты устала и вредишь Антону. Чем сильнее вмешиваешься, тем убедительнее выглядит версия, что он рассчитывал на твоё прикрытие.

Я не отступаю.

— Время, Олег.

Он закрывает глаза на секунду.

— Два сорок семь ночи.

Я открываю переписку с Антоном. В два тридцать восемь он прислал фотографию из приёмного отделения городской больницы: рассечённая бровь, пластырь, подпись «Не пугайся, зашили». В три десять — геолокацию.

Показываю экран мужу.

— В два сорок семь он был в больнице. Там камеры, журнал, врач. Он не мог войти с терминала.

Олег опускает взгляд на телефон и сразу возвращает его мне.

Он знал.

— Доступ мог быть удалённым, — произносит Глеб уже не так уверенно. — С ноутбука или телефона.

— Система хранит устройство и адрес. Они есть в материалах?

Он молчит. Олег отвечает за него:

— Служба безопасности разберётся.

Я открываю дверь.

— Она уже разобралась. Уволила одного сына и отдала его место другому.

В коридоре стоит начальник службы безопасности Павел Денисович. Много лет он приходит к нам на Новый год и дарит детям одинаковые конверты. Сейчас смотрит на меня как на сотрудницу, чей доступ отозван.

— Поедете со мной на терминал, — говорю я.

Он поправляет очки и переводит взгляд на Олега.

— Антон Олегович даёт пояснения добровольно. Ваше присутствие может помешать процедуре.

Я протягиваю руку к двери, предлагая ему самому открыть её.

— Тогда я заберу его.

Олег становится рядом с Павлом Денисовичем.

— Пока он не закончит, никто его не заберёт.

Я смотрю на мужа. На отца, который уже выбрал, какого сына будет защищать.

— У вас пятнадцать минут. Либо Антон выходит с копиями документов, либо я приезжаю с адвокатом и полицией.

— Ты всегда должна всё контролировать, — цедит Олег. — Даже когда из-за нашего сына пострадал ребёнок.

— Именно поэтому я еду. Хочу узнать, кто испортил груз на самом деле.

Я прохожу мимо. Софья догоняет меня у лестницы и хватает за рукав.

— Мам, не надо ехать одной. Ты сейчас не в состоянии.

Я снимаю её пальцы по одному.

— В каком состоянии я должна быть? Подходящем для камер?

На ресницах дочери собирается влага.

— Я не знала, что папа скажет именно так. Он говорил, что вы всё обсудили. Что ты против, но согласилась не устраивать сцен.

Я не спорю с этой удобной версией. Пока мне нужен один ответ.

— Когда ты познакомилась с Глебом?

Софья стирает слезу и размазывает тональную основу.

— Весной.

Весной мы выбирали ей платье на выпускной. Она трижды переносила примерку, потому что отец просил помочь с «важной встречей».

— Антон знает? — спрашиваю я после паузы.

Дочь быстро качает головой.

— Нет. Папа запретил говорить. Сказал, что сам разберётся.

Сверху выходит Олег, за ним Глеб. Муж перекрывает мне проход к выходу.

— Машина оформлена на компанию. После твоего поведения я не разрешаю тебе садиться за руль служебного автомобиля.

Этот внедорожник мы покупали к моему сорокалетию. Половину суммы внесла я, но Олег настоял оформить его на «Меридиан».

Он забирает у меня даже дорогу к сыну.

Я кладу ключи на ступень между нами.

— Оставь себе.

Обхожу его. На улице вызову такси, позвоню Анне Левиной из «Барская, Рейн и партнёры». Я больше не буду спрашивать у Олега разрешения добраться до собственного ребёнка.

— Инга, стой. — Муж спускается следом. — Ты только усугубляешь ситуацию.

Я дохожу до стеклянной двери и оборачиваюсь. Глеб стоит рядом с ним, держа папку Антона. Софья застыла на ступень ниже, не решаясь выбрать, куда идти.

— Ситуацию усугубил человек, который двадцать пять лет лгал жене. А сегодня подставил одного сына, чтобы освободить место другому.

Олег напрягается.

— Не смей обвинять Глеба без доказательств.

Я беру за ручку стеклянную дверь.

— Я обвиняю тебя.

На этот раз муж не отвечает сразу. И в его короткой паузе я вижу главное: он боится, что я доберусь до терминала раньше, чем они закончат с Антоном.

Холодный воздух ударяет в лицо. Телефон вибрирует в руке. Незнакомый номер.

— Да.

В трубке слышно тяжёлое дыхание и металлический гул большого помещения.

— Мам, — говорит Антон так тихо, что я почти не узнаю его голос. — Не приезжай сюда одна.

Я останавливаюсь под ярким светом вывески.

— Что произошло?

Рядом с ним кто-то требует убрать телефон. Скрипит стул.

— Они нашли вход под моей учёткой. И ещё… — Сын замолкает, будто смотрит на кого-то перед собой. — Папа привёз документы. Там уже всё готово. Они хотят, чтобы я подписал, что сам отключил датчики.

Связь обрывается.

***

 # Дорогие читатели! #

Не забывайте *ставить лайк (мне нравится), добавлять книгу в библиотеку и подписываться на меня*, чтобы не пропустить продолжение этой истории, мои новые книги, подборки, важные объявления и новости:

*https://litnet.com/shrt/kPZ_*

Если вам понравилась книга, пожалуйста *оставьте комментарий*- мне будет очень приятно

Спасибо вам!

 # С любовью, Кира! #

Глава 3. Уволен и обвинён

Я перезваниваю Антону ещё до того, как отхожу от стеклянных дверей банкетного зала. В трубке идут короткие гудки, затем включается автоответчик. На третьем звонке телефон сына уже недоступен.

В такси я только замечаю, что вышла без пальто. В салоне жарко, пахнет мокрой резиной, однако меня знобит. Последняя геолокация Антона горит возле административного корпуса терминала.

Павел Денисович сбрасывает вызов. Я звоню диспетчеру и требую прекратить любые действия с Антоном до моего приезда. Рядом с молодым дежурным кто-то шепчет подсказку.

— Инга Андреевна, у нас распоряжение генерального директора, — наконец сообщает он.

Я прошу назвать фамилию и продиктовать служебную запись: никаких подписей, изъятия телефона и давления. Через минуту копия приходит на почту. Я сохраняю её в облаке и пересылаю себе на личный адрес.

Северный терминал гудит рефрижераторами, возле погрузочных ворот клубится пар. Охранник Саша выходит из будки и прячет пропуск в ладони.

— Олег Павлович запретил пускать вас в административный корпус, — произносит он, глядя на камеру. Несколько лет назад я подписала ему ссуду после пожара; сейчас он боится потерять работу. — Меня уволят, Инга Андреевна.

— Антона уже уволили и заставляют признаться в порче медицинского груза. Завтра в журнале останется твоя фамилия. Решай, чьё распоряжение готов защищать своей подписью.

Саша прикладывает карту и пропускает меня, не поднимая глаз.

Свет горит только на втором этаже. Дверь комнаты проверок открывает Павел Денисович: без пиджака, с красным следом от очков на переносице.

Антон сидит под холодной лампой. Пластырь над бровью отклеился, телефон лежит перед начальником безопасности. На столе — акт с пустой строкой для подписи сына и резолюцией Олега: «Уволить за утрату доверия».

Антон резко встаёт, стул ударяется о шкаф.

— Я сказал не приезжать одной, — бросает он, но я уже протягиваю руку Павлу Денисовичу.

— А я просила ничего не подписывать. Верните телефон и откройте дверь.

Начальник безопасности накрывает аппарат ладонью и повторяет, что Антон находится здесь добровольно. Я включаю запись и прошу подтвердить, что сын может уйти прямо сейчас. Увидев красный таймер, Павел Денисович отодвигает телефон: отказ закончить процедуру, предупреждает он, будет отражён в материалах.

Сын забирает аппарат. Левый локоть он прижимает к боку, рубашка смята. После больницы его несколько часов держали здесь, пока Олег праздновал юбилей.

— Мам, подожди. — Антон кивает на бумаги. — Я хочу, чтобы он при тебе сказал, кто запретил повторную выгрузку.

Павел Денисович начинает складывать листы, рассчитывая закончить разговор нашим уходом. Я забираю акт раньше, чем он прячет его в папку.

— Покажите исходную телеметрию и резервный регистратор.

Павел Денисович прячет взгляд в выключенный монитор и отвечает, что материалы приобщены к проверке. На мой вопрос о сравнении серверной копии с данными машины он запаздывает с ответом: повторную проверку признали нецелесообразной.

— Кто признал? — Я не позволяю ему закрыть папку.

Антон отвечает сам. Голос у него хриплый, но теперь он не торопится:

— Отцом. Ночью в два одиннадцать пришёл сигнал о скачке температуры. Я позвонил водителю, он остановился, проверил пломбу и прислал фотографию. Через несколько минут всё вернулось в норму. Я поехал на склад, но на перекрёстке в меня въехали. Пока оформляли аварию и зашивали бровь, машина дошла до клиники.

В переписке сообщение диспетчеру в два четырнадцать, фотография целой пломбы и голосовое водителя. После аварии Антон не передал контроль другому руководителю, решив справиться сам.

— Почему мне не позвонил? — спрашиваю я.

Сын убирает телефон и наконец смотрит мне в лицо.

— Ты третий месяц спала по четыре часа и сама собирала этот юбилей. Я думал, короткий скачок уже закончился. Утром открыл рейс, а там стояло сорок семь минут выше допустимой температуры. Ночью этих данных не было. Я вызвал инженера, отец приехал раньше и запретил вскрывать резервный регистратор.

Павел Денисович снимает очки. Антон продолжает, не позволяя ему вмешаться:

— Папа сказал, клиенту нужен виновный сегодня. Положил передо мной признание в халатности и пообещал оставить рядовым руководителем, если подпишу. Я отказался. Тогда он уволил меня и сказал, что больше ни одна компания меня не возьмёт.

На слове «уволил» Антон сбивается и опускает взгляд. Я не спешу его утешать.

— За рейс отвечал ты. После аварии должен был передать контроль. — Сын коротко кивает. — За это придётся отвечать. Но подмену данных на тебя не повесят.

Я поворачиваюсь к Павлу Денисовичу и отправляю с телефона официальный запрос на журналы входов, резервный регистратор и распоряжение Олега.

— Сохраните серверы. Если исчезнет хоть один файл, ваш отказ от проверки останется в переписке.

Павел Денисович отвечает, что без генерального директора ничего не передаст. Я требую письменное согласование, и он уже не спорит. Антон забирает вещи, но у двери оборачивается на человека, который много лет приезжал к нам на Новый год.

— Внесите угрозу отца в протокол. Или хотя бы не удаляйте запись, когда он прикажет.

Начальник безопасности не обещает, однако остановить нас больше не пытается.

На улице Антон опирается о перила. Под светом прожектора я вижу, как он бережёт левый бок.

— Рёбра?

— Ушиб. В больнице смотрели. — Он натягивает куртку и тут же расстёгивает её: ткань давит. — Ребёнок правда в реанимации?

От стоянки к нам идёт женщина в пуховике поверх домашнего костюма. Тонкие кроссовки промокли. Она держит телефон перед собой и сверяет лицо Антона с фотографией.

— Это вы? Антон Миронов? — Женщина направляет на сына камеру.

Я придерживаю Антона за рукав, и она переводит телефон на меня: финансовый директор, мать виновного, наконец вся семья собралась. На её запястье бумажный больничный браслет — она приехала прямо из клиники.

— Как зовут вашу дочь? — спрашиваю я.

Вопрос сбивает её на секунду.

— Лиза. Семь лет. — Она крепче сжимает телефон. — Зачем вам имя, если ваша компания уже угробила препарат?

Антон отвечает не сразу. Он смотрит в объектив и заставляет себя говорить ровно:

— Я отвечал за перевозку. Сигнал был, водитель остановился, пломба цела. Утром данные изменились. Я добьюсь проверки.

— Мне плевать на ваши датчики! — Она повышает голос, но тут же оглядывается на ворота, будто всё ещё находится возле палаты. — Моей дочери не было лекарства. Её трясло так, что трое врачей держали. А вы делите должности и выясняете, какой сын важнее.

Антон принимает обвинение молча. Я могу сказать, что узнала обо всём вместе с гостями. Для женщины с больничным браслетом это ничего не изменит.

— Вы правы: перевозка была нашей ответственностью, — говорю я. — Назовите врача. Я свяжусь с «Целиорой», найду резервную поставку и передам вам результаты проверки.

Она отступает, как будто я предложила заплатить за молчание.

— Деньги? Для вас всё заканчивается деньгами. Пока Лиза задыхалась, вы на празднике выбирали, кому отдать кресло.

Я не спорю и снова прошу имя врача. Женщина долго смотрит на меня через экран, затем называет доктора Веденееву и отделение. Юристов к ней не присылать, добавляет она.

— Не пришлю. И видео удалить не попрошу.

Она диктует номер и уже у ворот оборачивается:

— Если снова соврёте, я выложу всё. Пусть люди увидят, сколько для Мироновых стоит чужой ребёнок.

Антон смотрит ей вслед, пока она выходит за ворота.

— Даже если данные подменили, я должен был передать рейс, — говорит он. — Она имеет право меня ненавидеть.

— Имеет. А ты обязан помочь установить, что произошло. Подписывать чужую версию для этого не нужно.

Сын несколько секунд ищет что-то в телефоне, потом протягивает мне экран.

— Я сегодня проверял, кто такой Глеб. Нашёл старый аккаунт его матери. Почти всё закрыто, но фотография сохранилась в репосте её сестры.

На снимке Глеб стоит возле торта с цифрой «20», а Олег обнимает Веронику за талию. Дата — пять лет назад. В тот вечер муж якобы улетел на переговоры в Казань.

Я увеличиваю изображение. За спиной Вероники видна дверь на балкон. Возле неё девочка в белой толстовке держит тарелку с тортом.

Эту толстовку я привезла Софье из Вены. На фотографии нашей дочери пятнадцать лет.

Глава 4. Все знали, кроме меня

Софья отвечает с пятого звонка. По голосам я понимаю: она всё ещё в банкетном зале.

— Мам, я не могу сейчас. Папа собирает вещи, Глеб…

Я требую, чтобы через сорок минут она была дома, и упоминаю фотографию с двадцатилетия Глеба. Дочь не спрашивает, о каком снимке речь. Просит не начинать по телефону: Олег уже заказал ужин и велел решить всё семьёй, пока журналисты не разнесли грязь.

Антон сидит рядом в такси, прижимая к боку пакет с вещами, и слышит каждое слово. Я велю Софье передать отцу, что ужин не отменяет ни терминал, ни другую семью.

Я отключаюсь. Антон поворачивается к мокрому окну.

— Она была там пять лет назад. Мне пятнадцать, ей тоже. Я бы не смог потом смотреть тебе в лицо.

В пятнадцать Софья могла испугаться и поверить отцу. Весной ей исполнилось двадцать, а сегодня она подготовила сцену для представления Глеба.

У дома горят все окна. Олег заказал привычный семейный ужин: пасту для Софьи, телятину для Антона, салат без сельдерея для меня. Он возвращает прежние правила.

В прихожей пиджак Глеба висит на крючке Антона. Сын снимает чужую вещь, кладёт на банкетку и освобождает своё место.

Олег выходит в домашней рубашке и часах, которые я подарила ему на сорокапятилетие.

— Хорошо, что приехали. Сядем и поговорим без камер, — предлагает он, будто мы опоздали к обычному ужину. — Только никто не повышает голос и не превращает признание Глеба в повод для грязного развода.

Я прохожу мимо него к кабинету. Мой код на двери не срабатывает, хотя утром я открывала сейф с юбилейными документами.

— Верни доступ, — требую я.

Олег отвечает, что корпоративные документы временно закрыты, а утром всё спокойно оформят юристы. Антон ставит пакет на пол, не выдерживая боли в боку.

— Ты заставлял меня подписать ложное признание, а теперь запер мамин кабинет. Что именно мы должны обсуждать спокойно?

— Я предложил признать ошибку без уголовных последствий, — отвечает Олег. — Ты выбрал истерику и притащил мать на терминал.

Из столовой выходит Глеб в одной из рубашек Олега, свободной в плечах. Олег уже раздаёт ему вещи из шкафа.

— Может, сначала сядем? — предлагает Глеб, обращаясь к Антону. — Мы все устали.

— Ты давно знаешь, как здесь принято? — спрашивает сын.

Олег становится между ними.

— Глеб сегодня остаётся здесь. Он член семьи, и я требую, чтобы вы оба это приняли.

Софья сидит за накрытым столом. Справа от Олега стоит прибор Глеба — на обычном месте Антона, возле окна.

Антон кладёт ладонь на спинку стула и требует, чтобы Глеб встал. Тот смотрит на Олега, ожидая решения.

— В доме достаточно стульев. Не устраивай спектакль, — одёргивает сына муж.

— Тогда посади его на своё.

Софья комкает салфетку и едва заметно предупреждает Глеба не спорить. Они понимают друг друга слишком быстро, поэтому я сама велю ему пересесть.

Глеб пересаживается к дальнему краю. Антон занимает своё место, но к еде не притрагивается.

Олег разливает воду и начинает так, будто проводит совет директоров.

— У меня был сын до рождения Антона. Я слишком долго скрывал правду, а сегодня исправил ошибку. Глеб войдёт в семью и продолжит работать в компании. От вас требуется обычное человеческое отношение.

Я открываю фотографию и кладу телефон рядом с его тарелкой.

— Глеб родился после нашей свадьбы. Ты ездил к Веронике, пока я лежала на сохранении. Скажи это своими словами.

Софья резко поднимает голову. Глеб застывает с вилкой в руке. Олег смотрит на снимок и сразу переводит разговор туда, где ему удобнее.

— Старые подробности ничего не изменят. Мы обсуждаем настоящее.

— Тогда обсудим, сколько месяцев вы готовили сегодняшний вечер. Ты убрал Антона, назначил Глеба, а Софья вывела его на сцену.

Олег накрывает ладонь дочери своей и просит не втягивать Соню в наши отношения: она всего лишь выполнила его просьбу. Софья не отдёргивается, и муж удерживает её возле себя тем же жестом, которым успокаивал перед экзаменами.

— Убери руку и ответь сама. Когда ты узнала, что Глеб — твой брат?

Дочь медленно освобождается. На коже остаются красные следы от пальцев отца.

— Весной, — произносит она, глядя в тарелку.

Антон отодвигает стул, и ножки скребут по паркету.

— А пять лет назад? Ты стоишь у него на дне рождения.

— Я была там, но не знала, кто он, — Софья торопится, путаясь в словах. — Папа сказал, Глеб — сын друзей. Правду рассказал весной.

Олег сразу цепляется за её объяснение: Антон, по его словам, и сейчас думает только о наследстве.

Антон подаётся вперёд, но боль в боку заставляет его остановиться.

— Он пришёл на мою должность в день увольнения. Как ещё это воспринимать?

Глеб кладёт вилку. До этого он молчал, но теперь смотрит прямо на Антона.

— Я не принимал решения об увольнении. Мне предложили работу два месяца назад. Олег Павлович говорил, что после тендера ты уйдёшь в отдельный проект.

— «Олег Павлович»? — Софья машинально поворачивается к нему. — Ты же обещал, что дома будешь говорить «папа».

Фраза вырывается привычно. Дочь осекается под взглядом Антона.

Олег тянется к блюду, но я не позволяю ему сменить тему и спрашиваю, сколько раз они встречались. Софья стирает салфеткой помаду.

— Несколько. Кафе, потом день рождения папы у Вероники… Ничего особенного.

Антон напоминает, что в июне отец праздновал с нами. Дочь уточняет: днём — с нами, вечером — там. В тот вечер я сама собрала Олегу еду, когда он якобы уезжал в банк.

— Ты помогала готовить представление Глеба? — спрашиваю я.

Софья прижимает ладони к коленям.

— Я сделала слайды и список журналистов. Папа сказал, обычному пиарщику доверять нельзя — всё утечёт.

Антон смотрит на сестру, которая ещё вчера просила его не спорить с отцом перед юбилеем.

— Поэтому ты убеждала меня молчать? Говорила, что я испорчу маме вечер?

— Я думала, папа сначала поговорит с вами дома, — торопливо объясняет она. — Он обещал. Потом произошла авария, и совет уже проголосовал.

Гладкая фраза Олега со сцены вдруг звучит голосом дочери.

— Речь тоже писала ты?

Софья стирает помаду салфеткой.

— Часть. Про ответственность и правду. Про увольнение Антона я не знала.

— Но фотографию поставила ты.

Софья смотрит на брата и отвечает «да». Олег отодвигает тарелку.

— Хватит. Соня помогла мне исправить многолетнюю ошибку. Глеб не должен прятаться только потому, что его существование неудобно тебе и Антону.

Олег уже распределил роли: Глеба прятали, Софья помогала, Антон ревнует, я думаю о себе. Себе оставил обязанность сказать правду.

— Ты мог признать сына без увольнения другого, — отвечаю я. — Мог прийти ко мне двадцать пять лет назад, пять лет назад, весной. Ты выбрал сцену и камеры, потому что там мне труднее было возразить.

Олег упирается ладонями в стол.

— Все смогли принять правду. Только ты опять думаешь исключительно о себе.

Глеб смотрит на него с недоумением. Олег этого не замечает.

— Антон провёл ночь под допросом. Софья пять лет носила твою тайну. Глеб ждал признания двадцать пять лет. Назови человека за этим столом, о котором думал ты.

Олег не отвечает. Он рассматривает Веронику на фотографии, затем пугает меня публикациями и банками: разрушать брак из-за давней истории сейчас нельзя.

Я забираю телефон и встаю. Олег тоже поднимается, но Антон оказывается между нами.

— Не подходи к маме. И не звони мне, пока не отдашь исходные данные.

— Она всегда прикрывала твои ошибки, — бросает муж. — Поэтому ты вырос уверенным, что тебе всё позволено.

Антон готов ответить, но я удерживаю его за плечо: Олег снова затягивает нас в старый спор о воспитании. Я зову Софью с собой.

Дочь остаётся на месте. Глеб тихо просит её не бояться и говорит «Сонь», как Антон и отец. Софья принимает эту фамильярность, даже не подняв головы.

— Я никуда не поеду, — отвечает она. — Нам надо решить всё сейчас. Папа сказал, утром ты можешь заблокировать счета и сорвать тендер.

Я возвращаюсь к столу и спрашиваю, с чего Олег решил, что я могу одна заблокировать счета. Муж медленно качает головой, запрещая Софье продолжать. Она замечает это, и испуг сменяется злостью.

— Ты сказал, она всё равно узнает, — напоминает она ему. — Сказал, это обычная техническая вещь на случай, если мама начнёт мешать переоформлению.

Олег вскакивает, задевая бокал. Вода растекается по скатерти. Муж тянется к дочери.

— Соня, ты устала. Не говори о том, чего не понимаешь.

Она отодвигает его руку. Несколько секунд смотрит на мокрую скатерть, будто ещё может промолчать, потом поднимает глаза на меня.

— Мам, я дала папе резервный код от твоей электронной подписи.

Глава 5. Моя подпись

— Когда ты отдала ему код?

Софья смотрит на отца. Олег всё ещё стоит возле стола, вода с опрокинутого бокала стекает под его стул. Никто не тянется за салфеткой.

— Соня неправильно поняла, — говорит он. — Это резервный доступ на случай, если банк ждёт подтверждение, а ты недоступна.

Я не повышаю голос, хотя Олег пытается занять весь разговор. — Я спросила дочь.

— В конце мая, — выговаривает Софья. — Папа сказал, перед тендером могут понадобиться срочные подписи. Ты иногда не берёшь телефон на переговорах.

В конце мая Олег уехал «лечить спину» и каждый вечер спрашивал, одна ли я в кабинете. Тогда я принимала это за заботу.

— Где лежал код?

Олег велит ей замолчать: она не разбирается в безопасности. Софья морщится, будто от его голоса у неё заболела голова.

— В синем конверте, в домашнем сейфе. Я знала цифры. Ты сама дала их, когда мы летели в Турцию.

Я напоминаю ей, что на конверте было написано «не вскрывать». Софья втягивает голову в плечи, однако взгляд от отца уже не отводит.

— Папа сказал, ты попросила достать. Я сфотографировала код и отправила ему, а конверт заклеила.

Антон отталкивает тарелку. Глухой стук заставляет Глеба вздрогнуть.

— Ты даже маме не позвонила? — Антон смотрит на сестру так, будто не узнаёт.

— Мне сказали, что она согласна! Папа показал сообщение от мамы: «Делай как считаешь нужным».

Я не писала ему этого о подписи. Возможно, фраза была вырвана из другого разговора. Олег знал: Софье достаточно показать моё короткое «хорошо», и она перестанет спрашивать.

— Код использовали? — обращаюсь я к мужу.

Он смотрит на время.

— Нет. Без ключа он бесполезен. Утром всё проверишь, — отрезает Олег.

— Проверю сейчас.

Я направляюсь в кабинет, но Олег закрывает ладонью панель замка.

— В системе ночное обслуживание. Ты всё равно не войдёшь.

До этой минуты я допускала, что он готовился воспользоваться кодом.

Я протягиваю руку. — Ключи.

— Инга, два часа ночи. Ты не спала, Антон на обезболивающих, Соня в истерике. Утром сядем с юристами.

Я не двигаюсь. Ему приходится смотреть мне в лицо. — Ключи, Олег.

Он бросает связку. Металл ударяется о стену и падает на ковёр. Я открываю кабинет, забираю ноутбук. Корпоративный токен должен лежать в банковской ячейке, резервный сертификат — храниться выключенным.

— Компания может не пережить неделю, а ты устраиваешь войну из-за технического доступа.

Я снимаю обручальное кольцо. Оно застревает на суставе, приходится провернуть дважды. Кладу его рядом с семейными фотографиями.

Муж смотрит на кольцо и впервые за вечер теряется. — Ты серьёзно?

— Сначала отвезу Антона в больницу. Потом вернусь с адвокатом.

Антон забирает куртку.

В прихожей Олег говорит нам вслед:

— В девять совет. Будете готовы разговаривать — приезжайте. До этого не делайте глупостей.

В нашем доме он назначает часы, когда мне позволено защищать своё имя.

К восьми утра мой пропуск открывает турникет «Меридиана», но лифт уже не принимает этаж финансовой дирекции. Доступ ограничен из-за внутренней проверки.

Антон остаётся внизу ждать врача. Он хотел подняться со мной, но любое его появление Олег превратит в давление на свидетелей.

Я поднимаюсь по служебной лестнице. Дверь на седьмой этаж открыта, возле моего кабинета стоят пластиковые контейнеры. Двое незнакомых мужчин снимают папки с полок, девушка фотографирует ярлыки.

Главный бухгалтер Елена Витальевна требует акт изъятия. Один из мужчин отвечает, что действует по распоряжению нового исполнительного директора.

— Верните документы.

Из моего кабинета выходит Глеб.

— Инга Андреевна, архив переносят в комнату проверки. Ничего не уничтожается.

Я останавливаюсь между ним и контейнерами. — На каком основании вы открыли мой кабинет?

— Совет дал мне полномочия по медицинскому направлению.

Полномочиями он прикрывается уже увереннее, чем ночью. Я киваю на папки в руках сотрудников. — Финансовый архив к медицинскому направлению не относится.

При сотрудниках ему хочется выглядеть хозяином, но спорить со мной неудобно.

— Олег Павлович ждёт в переговорной. Там всё объяснят.

Я прошу Елену Витальевну записать фамилии людей и каждую вынесенную папку. Глеб пытается остановить её распоряжением.

— Приказ об отстранении Инги Андреевны покажете — тогда обсудим новую дисциплину, — отвечает она и открывает журнал.

В переговорной кроме Олега сидят корпоративный юрист, кредитный менеджер банка и руководитель комплаенса. Перед моим местом разложены четыре комплекта документов.

Новая структура группы. Личная гарантия по кредитной линии. Заключение об отсутствии связи между «Меридианом» и «Вектор МедЛог». Передача медицинского направления Глебу.

В приложениях стоят даты за три недели до юбилея.

— Вы хотели, чтобы я подписала ложь об отсутствии связи с «Вектором», — произношу я. — И одновременно отдала Глебу наши медицинские маршруты.

Кредитный менеджер перестаёт смотреть в ноутбук. Олег придвигает ко мне ручку.

— «Вектор» — независимый подрядчик. Глеб не владеет компанией Вероники.

Я напоминаю Олегу, кто владеет «Вектором» и кто управляет «Меридианом». Для комплаенса «Целиоры» родства уже достаточно.

— Поэтому нам нужно твоё профессиональное заключение. Ты изучила расчёты, конфликт интересов отсутствует.

Я не открываю расчёты. Документ предлагает подтвердить вывод, которого я не делала. — Я их не изучала.

— Изучишь сейчас. После вчерашнего банк заморозил расширение лимита, «Целиора» ждёт новую структуру, зарплаты через девять дней.

При банкире мои возражения должны выглядеть угрозой сотрудникам. Сумма гарантии почти равна годовому обороту медицинского направления.

— Чей кредит?

— Заёмщик — «Вектор МедЛог», — отвечает менеджер. — «Меридиан» выступает обеспечивающей стороной в рамках группы.

Я поворачиваю к нему заключение об отсутствии связи компаний. — Они не входят в нашу группу. Именно это вы предлагаете мне подтвердить соседним документом.

Муж берёт ручку.

— «Вектор» закупит рефрижераторы, мы получим парк и за полгода закроем кредит, — настаивает Олег. — Вчерашний скандал можно закончить одной деловой встречей.

— А признание Антона входит в пакет?

Олег опускает ручку.

— Если он признает свою часть, юристы удержат дело внутри компании. Ты подпишешь реструктуризацию, и мы сохраним бизнес. Ещё можно не разваливать всё из-за обиды.

Я собираю документы и отодвигаю от себя.

— Ничего не подпишу.

Глеб делает шаг от окна.

— Посмотрите расчёты, — просит Глеб. — Там нет попытки вас обмануть.

— Тогда зачем понадобился резервный код моей подписи?

Он переводит взгляд на Олега. Муж просит всех, кроме семьи, выйти. Кредитный менеджер собирает ноутбук слишком быстро.

Когда дверь закрывается, Олег перестаёт изображать переговорщика.

— Кодом активировали резервный доступ, пока ты была на сцене, — говорит Олег. — Банку требовалось подтвердить намерение.

— Моё намерение?

Олег раздражённо поправляет бумаги, которые уже никто не подпишет. — Намерение компании. Не цепляйся к словам.

Я возвращаюсь в кабинет. Глеб идёт следом, Олег требует остановиться, но я уже подключаюсь к журналу удостоверяющего центра. На экране появляется красное уведомление: основной доступ приостановлен администратором, резервный сертификат активирован в 21:46.

В это время я стояла на сцене рядом с мужем.

Елена Витальевна закрывает дверь перед сотрудниками Глеба и подключает второй монитор. В журнале четыре операции: создание копии сертификата, вход в банковскую систему, согласование гарантии и подача пакета на регистрацию обеспечения.

Адрес входа относится к гостевой сети банкетного комплекса.

— Я уже сказал: нужно было подтвердить намерение, — произносит Олег за моей спиной. — Окончательные документы подпишешь сейчас, и последствий не будет.

Я открываю карточку операции. В строке «подписант» стоит моё имя. Ниже — «личное поручительство Инги Андреевны Мироновой по обязательствам ООО “Вектор МедЛог”».

Глеб читает через моё плечо и отступает.

— Вы говорили, это корпоративная гарантия.

— Не вмешивайся, — обрывает его Олег.

Я сохраняю журнал, рассылаю копии на личные адреса и открываю приложение. На первой странице перечислены автомобили и оборудование «Меридиана». На второй — имущество поручителя.

Адрес узнаю.

Кирпичная девятиэтажка у парка. Квартира, где отец прожил тридцать семь лет и умер у меня на руках. Единственное имущество, которое никогда не принадлежало Олегу.

Напротив адреса стоит отметка: «Предмет залога. Заявление о государственной регистрации принято».

Олег заложил квартиру моего отца под долги своей второй семьи.

Глава 6. Единственное доказательство

Я отправляю в банк заявление о спорной операции и требование приостановить регистрацию залога. Елена Витальевна прикладывает программу юбилея и запись трансляции, подтверждающую: в момент подписания я стояла на сцене.

Олег молчит, пока письмо уходит, затем просит оставить нас вдвоём. Я отказываюсь. После ночи, в которую моим именем оформили чужой кредит, свидетели мне нужнее семейного разговора.

— Банк потребует досрочного погашения. Компания ляжет. Ты понимаешь, что делаешь? — Олег упирается ладонью в стол.

Я не касаюсь договора. — «Меридиан» не получал эти деньги.

— Зато получит машины «Вектора». Через полгода кредит закроется, — давит он.

Я подвигаю к нему договор. — Тогда заложи свою квартиру.

Он сжимает челюсть. Загородный дом оформлен на компанию, городская квартира куплена в браке. Только моё наследство не подлежит разделу и потому особенно удобно банку.

Глеб стоит у окна. После вопроса о личной гарантии он больше не вмешивается, но уйти тоже не решается. Олег велит ему вернуться к архиву. Тот задерживается, будто ждёт объяснения, и всё-таки выходит.

— Ты уже врёшь даже ему.

— Я защищаю Глеба от деталей, которые ему пока не нужны, — отвечает Олег.

Я киваю на экран с адресом отцовской квартиры. — Этими деталями можно лишить меня жилья.

Муж подходит к столу и понижает голос:

— Это обеспечение на бумаге. Мы двадцать шесть лет строили одно дело. Ты готова сжечь его, потому что узнала о Глебе не так, как хотела?

Он снова сводит всё к моему оскорблённому самолюбию. Я закрываю журнал операций, передаю Елене Витальевне копию и прошу сохранить платежи по «Вектору» за год.

Телефон вибрирует. Сообщение от Романа Белецкого:

«Инга Андреевна, мне нужно показать вам документы по “Вектор МедЛог”. Сегодня. Не по телефону».

Я вспоминаю его возле последнего ряда: высокий, в тёмном костюме, руки в карманах. Когда зал нехотя зааплодировал Глебу, Белецкий не поднял ладоней. Он смотрел на Олега.

Мы знакомы почти пятнадцать лет. Его «Контур» владеет терминалами на востоке города. Олег вернулся со встречи злой и заявил, что Белецкий хочет получить контроль над «Меридианом» через меня. Я не стала проверять.

Теперь он пишет. Слишком вовремя.

«Где?» — отвечаю я.

Адрес приходит сразу: старый терминал «Контура» у окружной дороги. Белецкий добавляет, что разговор касается ночного рейса Антона и просит приехать вместе с ним.

Антон ждёт в машине на подземной парковке. Врач перетянул ему грудь эластичным бандажом, на лице проступила серость. Он читает сообщение и предлагает отправить юриста.

— Юрист ещё не видел документов, — напоминаю я.

— Может, Белецкий решил купить нас дёшево.

Терминал «Контура» пахнет металлом, дизелем и мокрым картоном. В административном корпусе нет мрамора и стеклянных переговорных. За окнами двигаются погрузчики, от ударов контейнеров дрожит перегородка.

Роман встречает нас у кабинета. Здоровается, просит принести чай, но не произносит ни слова о юбилее.

На столе лежат три папки и ноутбук.

— Начнём с того, что можно проверить без доверия ко мне, — говорит он. — Номера договоров, даты, контрагенты. Оригиналы получите через реестры или у второй стороны.

На экране перечислены медицинские маршруты «Меридиана». В соседней колонке — «Вектор МедЛог». По шести направлениям договоры уже заключены с компанией Вероники, хотя перевозку продолжают выполнять наши машины.

Я узнаю номера рефрижераторов и фамилии водителей. Топливо, ремонт, зарплаты оплачивает «Меридиан». Выручка уходит «Вектору».

— Откуда у вас эти сведения? — Я не притрагиваюсь к папкам.

— Два месяца назад Олег предложил отдать «Вектору» часть площадей нашего южного терминала. В пакете были маршрутная модель и финансовый план. Я отказался и сохранил документы.

Роман открывает письмо с личного адреса Олега. В приложении презентация «Новая медицинская группа». На титульном листе логотипы «Вектора» и «Контура». «Меридиана» нет.

— Почему не позвонили мне два месяца назад?

Белецкий отвечает после короткой паузы:

— Вы были финансовым директором компании, которая официально согласовывала эти маршруты. Я не знал, что документы прошли мимо вас.

— Почему только вчера? — спрашиваю я.

Роман смотрит на Антона, затем возвращается ко мне. — Ваш муж объявил другого руководителя и одновременно обвинил сына. После этого совпадения закончились.

Антон просит открыть сведения по Северному терминалу. Тот же склад, с которого вышла испорченная партия, уже три месяца указан партнёрам как объект «Вектора» на основании аренды.

— Они не арендуют склад.

Роман подаёт первую папку. «Меридиан» предоставляет помещения, оборудование и транспорт по себестоимости. Подпись Олега настоящая. Со стороны «Вектора» — Вероника Арсеньева.

— Без моей визы договор нельзя исполнять. — Я возвращаю папку Роману.

— Внутри вашей группы его и не показывают как исполненный. Клиентам «Вектор» предъявляет субподряд, вашим диспетчерам распоряжения отдают руководители «Меридиана». Каждый видит только свою часть.

Схема проста именно потому, что никто не должен увидеть целого. Наши машины возят грузы. Наши сотрудники отвечают за задержки. «Вектор» забирает договоры и выручку, не покупая ни одного склада.

Во второй папке — письма инвесторам. Олег обещает, что после тендера медицинское направление перейдёт в новую структуру, а оперативное управление и доля будут переданы Глебу Арсеньеву.

Первое письмо отправлено восемь месяцев назад.

Глеб появился на сцене вчера. Его кресло готовили почти год.

— Что вы хотите за документы?

Роман садится напротив.

— Сейчас — ничего.

Я не принимаю ответ. — Вы собирали чужие письма и приглашаете меня в день блокировки счетов. Зачем?

Роман не торопится убеждать меня в благородстве. Ему нужны исполненные обязательства и занятые склады. Крах «Меридиана» ему невыгоден, смена собственника — возможно.

— Всё зависит от того, кто будет управлять, — заканчивает он.

— Олег говорил, вы хотите забрать компанию через меня.

Роман ставит чашку.

— Он сказал это после моего предложения сделать вас руководителем совместного проекта?

Я помню тот вечер. Олег швырнул папку на кухонный стол и назвал условия Белецкого унизительными. Саму папку мне не дал.

— Олег сказал, вы требовали контрольный пакет. — Я слежу за лицом Романа.

— Я требовал отдельное юрлицо с равными долями и вашим финансовым контролем. Олег ответил, что его жена не будет вести переговоры без него.

Папку с условиями Олег мне тогда не дал. Я снова поверила ему на слово.

— Почему вы не связались со мной напрямую? — спрашиваю я.

— Связался. Дважды. Письма вернулись с отказом от вашего адреса.

В служебной почте писем нет. В то время её администрировала служба Олега.

Роман придвигает ноутбук.

— Не верьте мне. Проверьте метаданные, позвоните отправителям, запросите договоры. Доступ к копиям дам до вечера.

Антон открывает файл по испорченному рейсу. В документах «Вектора» тот значится тестовой перевозкой перед передачей маршрута. Ответственным от новой компании указан Глеб, но фактическим перевозчиком и владельцем машины остаётся «Меридиан».

— Если это был тест «Вектора», зачем оставили мою учётную запись? — спрашивает Антон.

Ответ уже ясен.

— Чтобы при сбое отвечал «Меридиан». А успешную доставку показывали инвесторам как актив «Вектора».

Я звоню одному из партнёров. Руководитель клиники после долгой паузы признаётся: с весны Олег просил направлять новые заявки через «Вектор», называя его подразделением «Меридиана». Глеба представляли будущим собственником медицинской группы.

Телефон Антона начинает вибрировать. На третьем вызове он включает громкую связь.

Звонит ночной диспетчер Сергей.

— Антон Олегович, вы где сейчас? — спрашивает он.

— На терминале «Контура». Что случилось?

В трубке слышен ветер. С Северного терминала исчез рефрижератор номер четыреста пятьдесят два — тот самый, который вёз препарат для Лизы. Машину оставили под пломбой до проверки, бортовой регистратор не изъяли.

— Кто разрешил выпуск? — спрашиваю я.

Сергей узнаёт мой голос и замолкает.

— В журнале распоряжение Антона Олеговича. Охрана утверждает, он сам приехал, забрал ключи и вывел машину через третьи ворота.

Мы вошли в кабинет в одиннадцать восемнадцать и с тех пор не выходили.

— Время выпуска? — Антон смотрит на часы над дверью.

— Одиннадцать двадцать четыре.

В одиннадцать двадцать четыре Антон сидел рядом со мной напротив Романа Белецкого.

А по документам в это же время он угнал единственное вещественное доказательство собственной невиновности.

Глава 7. Двадцать пять лет за мой счёт

— Никому не перезванивай с этого телефона, — говорю я Антону и забираю аппарат со стола. — Сергей остаётся на линии. Роман Сергеевич, у вас камеры в коридоре и на въезде?

Белецкий уже поднимает архив наблюдения. В кабинете гудит системный блок, за перегородкой сталкиваются контейнеры. Обычный рабочий шум только сильнее давит: где-то сейчас увозят машину, от которой зависит свобода моего сына.

— Запись непрерывная, — отвечает Роман. Он выводит на экран четыре окна и вызывает начальника безопасности. — Антон вошёл в одиннадцать восемнадцать и до сих пор здесь. Копию отдадим вам, оригинал опечатаем.

Антон наклоняется к громкой связи. Бандаж под рубашкой мешает ему дышать, и к концу фразы голос становится хриплым.

— Сергей, закрой третьи ворота. Кто видел водителя?

Диспетчер путается: охранник утверждает, что Антон приехал в кепке и маске, показал пропуск через стекло и сам вывел рефрижератор. Камера у ворот со вчерашнего вечера на ремонте. Я записываю фамилии и прошу Сергея ничего не исправлять в журнале, даже если позвонит Олег.

— Он уже звонил, — признаётся диспетчер. — Сказал не поднимать шум. Машина якобы ушла на санитарную обработку.

Антон выпрямляется слишком резко и сразу прижимает локоть к боку. Роман перестаёт листать запись. Олег знает об исчезновении рефрижератора и вместо поиска требует тишины.

Я сообщаю об угоне в полицию. Дежурный предупреждает: транспорт принадлежит «Меридиану», а генеральный директор может подтвердить служебный выезд. Тогда я фиксирую использование данных Антона и называю адрес «Контура», где камеры подтверждают его алиби.

Олег отвечает только на четвёртый звонок.

— Ты зачем подняла полицию? — бросает он без приветствия. За его спиной хлопает дверь. — Машина на мойке.

Я включаю громкую связь и кладу телефон между папками. Роман отходит к окну, но запись разговора оставляет включённой.

— Назови адрес и фамилию водителя.

Муж выдерживает паузу, затем начинает объяснять, что не обязан отчитываться по каждой операционной мелочи. Я напоминаю о регистраторе испорченного рейса и о въезде под учётной записью Антона.

— Инга, ты опять слышишь только себя, — Олег понижает голос, словно мы дома и мою настойчивость можно переждать. — Прекрати таскать сына за собой. Дай взрослым людям разобраться.

Антон тянется к телефону, но я останавливаю его. Олегу нужен его срыв на записи.

— У тебя десять минут на распоряжение о мойке. Потом твой звонок диспетчеру уйдёт следователю.

Он обещает прислать документы и отключается. Через десять минут телефон молчит.

Мы выезжаем из «Контура» с копией камер и доступом к документам Белецкого. Я возвращаюсь в «Меридиан»: если исчезновение машины связано с выводом маршрутов, финансовый архив начнут чистить следом.

На парковке Антон пытается сесть за руль. Я забираю ключи и вызываю водителя. Сын злится не из-за машины. После увольнения он цепляется хотя бы за возможность самому что-то решать.

— Тебе надо в больницу, — напоминаю я.

— После архива. Они полезли в мои маршруты, я должен видеть, что забрали.

Он держится за открытую дверь, чтобы водитель не заметил, как трудно ему стоять. Я уступаю, но предупреждаю: на этаж он поднимется только после звонка врача.

В «Меридиане» контейнеров возле моего кабинета уже нет. Елена Витальевна ждёт нас в маленькой архивной комнате, где пахнет пылью, тонером и нагретой проводкой. Она запирает дверь и включает одну настольную лампу.

— Глеб распорядился вывезти договоры по «Вектору», — сообщает она. — Я отдала копии. Оригиналы платёжных реестров пока здесь.

На столе стоит коробка из-под бумаги: флешка, три папки, старые банковские выписки. Бухгалтер связала получателей после моего запроса по «Вектору». Переводы Веронике прятали под займами физическим лицам, консультациями, арендой и помощью сотрудникам.

Первая квартира куплена через два года после нашей свадьбы. Адрес совпадает с домом на фотографии: там Софья стояла за спиной Вероники на дне рождения Глеба.

— Компания тогда едва платила зарплаты, — говорю я. — Откуда взяли первоначальный взнос?

Елена Витальевна подвигает выписку. В тот месяц я оформила потребительский кредит и внесла деньги в кассу. Олег уверял, что продал машину и отказался от всего личного, лишь бы сохранить «Меридиан».

Автомобиль Олега тогда действительно продали. Я сама нашла покупателя, торговалась за каждую тысячу и ещё переживала, что муж несколько месяцев будет ездить на моей машине. Через семь дней после сделки со счёта «Меридиана» ушёл первоначальный взнос за квартиру Вероники.

Елена Витальевна кладёт рядом следующую выписку, но я не сразу беру её. На листе остался серый след от пальца, принтер нагрел бумагу, и от неё пахнет тонером. Всё вокруг продолжает работать: лампа жужжит, за дверью катят контейнер, в бухгалтерии звонит телефон. Только двадцать пять лет моей жизни уже не складываются так, как я их помнила.

— Здесь дальше школа, — осторожно говорит Елена Витальевна. Она ведёт ручкой по строчкам, всё ещё оставляя мне возможность остановиться. — Потом медицинская страховка Вероники. Машина. Поездки.

Олег каждый раз придумывал новое назначение. Девятилетнего Глеба записали в «кадровый резерв», лечение Вероники провели как помощь сотруднику, которого никогда не существовало, а семейные выходные в загородном отеле назвали переговорами с партнёрами.

Антон сначала складывает суммы на телефоне. Палец несколько раз промахивается мимо цифры, он раздражённо стирает расчёт и начинает заново. Потом видит дату одного из переводов и кладёт телефон экраном вниз.

— Это мой день рождения, — произносит он не сразу. — Десятый.

Я узнаю число раньше, чем вспоминаю сам вечер. Дом был полон детей, крем с торта размазали по скатерти, а Олег ушёл сразу после свечей. Сказал, на складе внезапная пожарная проверка и без директора инспектор ничего не подпишет.

— Он вернулся под утро, — добавляет Антон. Голос у него садится, и он вынужден остановиться, чтобы вдохнуть через боль в рёбрах. — Привёз мне грузовик. Красный, с открывающимися дверями. Я ещё всем хвастался, что папа искал его ночью.

В выписке за тот же день указан праздничный пакет в загородном отеле: два взрослых гостя и ребёнок. Я помню тот игрушечный грузовик. Олег поставил коробку возле кровати спящего Антона, а утром позволил сыну опоздать в школу. Я смотрела на них и думала, что муж умеет исправлять свои ошибки.

Принтер втягивает новый лист, внутри что-то щёлкает. Елена Витальевна придерживает бумагу, чтобы та не упала на пол, и больше не комментирует каждую строку. Языковые курсы.

Летние лагеря. Университет в Нидерландах. Аренда квартиры рядом с кампусом, страховка, билеты на троих.

— Он выводил часть как займы собственнику, — всё-таки объясняет она, когда Антон доходит до последней страницы. — Потом возвращал другими платежами, дробил суммы. В отчётности это выглядело как временный кассовый разрыв.

— Который закрывала мама, — отвечает Антон.

Он говорит без упрёка, но я вспоминаю каждый такой разрыв. Проданную машину. Кредит под недвижимость. Отпуск, который мы отменили за два дня до вылета. Олег приезжал домой после полуночи, садился напротив меня на кухне и долго молчал, прежде чем сказать, что зарплаты хватит только половине водителей.

«Ещё месяц, Инга. Потом выровняемся».

Я звонила в банки, просила поставщиков перенести платежи, вкладывала свои деньги. Иногда злилась, иногда плакала в ванной, чтобы дети не услышали, а утром снова садилась рядом с Олегом над таблицами. Он брал меня за руку и называл единственным человеком, на которого может положиться.

Телефон Антона начинает вибрировать по столу и упирается в папку. Он отвечает, включает громкую связь, и в тесной архивной комнате раздаётся голос начальника безопасности «Контура».

Рефрижератор нашли на старой овощной базе. Машина стоит с распахнутыми дверями, внутри пусто. Пломбу сорвали, бортовой регистратор выдрали вместе с креплением. На асфальте возле погрузочной рампы осталась лента с маркировкой медицинского груза.

— Камеры что-нибудь взяли? — Антон наклоняется ближе к телефону и тут же морщится: бандаж давит на рёбра.

Начальник безопасности просит подождать и пересылает короткий ролик. Через восемь минут после нашего рефрижератора с базы выезжает белый фургон. Номер засвечен фонарём, зато на боковой двери различим логотип «Вектор МедЛог».

Я отправляю видео следователю и прошу немедленно установить машину. Мужчина начинает объяснять порядок розыска, но я возвращаю его к времени, камерам и медицинскому грузу. Только получив номер регистрации сообщения, заканчиваю разговор.

Антон всё это время смотрит на разложенные перед нами выписки. Затем подтягивает к себе лист с оплатой отеля и кладёт рядом кадр белого фургона.

— Он подставил меня ради маршрута, который обещал Глебу, — произносит сын. Фраза выходит неровной, будто он до последнего надеялся найти другое объяснение. — А ты все эти годы брала кредиты и спасала его компанию.

Я не отвечаю. Пододвигаю к себе последнюю папку и открываю её.

Перевод университету Глеба совпадает до рубля с суммой, поступившей после продажи родительской квартиры — первой, маленькой, которую отец переписал на меня ещё до брака.

Мы продали её восемь лет назад. Олег сказал, что деньги срочно нужны для выкупа доли партнёра и спасения «Меридиана». Я подписала договор в больничном коридоре, пока отец проходил обследование, и ещё извинялась перед мужем, что не приехала в офис.

Через три дня компания оплатила первый год обучения Глеба. В назначении платежа указана лицензия на программное обеспечение, но приложенный счёт выписан университетом.

Я провожу пальцем по дате. Отец тогда спросил, уверена ли я, что Олег вернёт деньги. Я обиделась на него за недоверие к мужу.

За университетом идут переводы на жильё Вероники и первые вложения в «Вектор МедЛог»: регистрация, офис, аванс за машины. В те же месяцы Олег убедил меня заложить парк рефрижераторов, чтобы выплатить налоги и зарплаты «Меридиана».

Пока я вытаскивала компанию из каждой новой дыры, он освобождал деньги для второй семьи. Моими кредитами, наследством и именем Олег содержал Веронику, растил Глеба и строил бизнес, куда теперь собирался перенести всё ценное из «Меридиана».

Глава 8. Цена молчания дочери

Я фотографирую последний платёж и отправляю копии на три адреса. Только после этого закрываю папку и набираю Софью.

Она сбрасывает два вызова. На третий приходит сообщение: «Я на занятиях. Давай вечером».

Вечером Олег успеет объяснить ей, что именно нужно забыть. Я отправляю адрес кафе у университета и время — через двадцать минут. Добавляю, что разговор касается электронной подписи и возможного заявления в полицию.

Софья звонит сразу.

— Мам, зачем ты меня пугаешь? — вокруг неё слышны музыка и голоса. — Я уже сказала всё, что знала.

— Через двадцать минут. Одна. Если рядом будет отец, я уйду и передам разговор адвокату.

Она начинает уверять, что Олега рядом нет, потом замолкает, потому что я не спорю. В трубке хлопает тяжёлая дверь, музыка стихает.

— Я приду. Только, пожалуйста, ничего пока не подавай.

Антон хочет ехать со мной. Он едва поднимается со стула и хватается за край стола, но продолжает настаивать: сестра обманывала его несколько месяцев, он имеет право услышать всё сам.

— Имеешь. При тебе она будет защищаться от брата. Мне нужно, чтобы она перестала защищать отца.

Сын садится обратно. Обида остаётся, но он просит не обещать Софье, что всё сойдёт с рук. Я не обещаю.

Кафе пустое. За стеклом студенты перебегают через мокрый двор. Я выбираю стол у стены, откуда вижу вход. Софья появляется, когда чай уже остыл.

Она приходит без куртки, в тонком свитере, с собранными наспех волосами. Едва садится, сразу начинает говорить:

— Папа не просил меня ничего подписывать. Я только отправила код. Я вообще не знала, что им можно воспользоваться без тебя.

Эту фразу она готовила по дороге. Я снимаю со стула шарф и протягиваю ей. Софья сначала отказывается, потом всё-таки накидывает его на плечи и утыкается подбородком в ткань.

— Расскажи с того дня, когда он попросил код. Пока ничего не объясняй и не оправдывай. Просто вспомни, как всё было.

Дочь ждёт, пока официант поставит воду и отойдёт.

— Папа приехал после пар. Мы сидели в машине. Он сказал, тендер завис из-за твоих согласований и ты сама попросила ускорить пакет. Показал сообщение «Делай как считаешь нужным». Я спросила, почему ты не отправишь код напрямую. Он сказал, вы поругались из-за Антона и ты из принципа не отвечаешь.

В конце мая мы спорили о маршруте. Моё сообщение относилось к встрече с банком. Олег выдернул одну фразу и подложил дочери нужный смысл.

— Что он предложил тебе?

Софья вскидывает голову.

— Ничего.

Она отвечает слишком быстро и тянется к стакану. Вода выплёскивается на стол. Я подаю салфетки и жду, пока дочь промокает дерево, избегая моего взгляда.

— Он говорил о работе, — наконец признаётся она. — Что после диплома возьмёт меня в PR-службу, даст проекты. Я и так там стажировалась.

— И квартиру.

Софья замирает с мокрой салфеткой в пальцах.

— Откуда ты знаешь?

Я не знала. Но Олег всегда покупает согласие тем, чего человеку не хватает. Дочь месяцами показывала студии рядом с университетом и злилась на просьбы сначала закончить учёбу.

— Что именно он обещал?

— Оформить студию после тендера. Сказал, вы давно решили, просто ты тянешь, потому что считаешь меня маленькой.

Вместо обещанной квартиры он заложил моё наследство и подготовил дочь на случай, если понадобится виновная. Софья замечает, как я отодвигаю чашку, и начинает говорить быстрее:

— Это не было платой. Папа сказал, после представления Глеба начнётся новая структура, я займусь коммуникациями. Вы всё равно его примете, потому что он семья. Ты позлишься, потом начнёшь спасать компанию, как всегда.

Последнюю фразу она произносит тише. В ней узнаётся Олег.

— Он прямо так сказал?

Софья тянет нитку на рукаве, пока шов не расходится.

— Сказал, что ты никогда не бросишь дело и детей. Что с тобой тяжело первые сутки, потом ты думаешь, как исправить последствия. Я… я тоже так думала.

Я вспоминаю семейные беды, которые сглаживала годами. Софья разбила машину — я договорилась со страховой. Олег сорвал платёж — я нашла кредит. Антон поссорился с руководителем — я усадила обоих за стол. Они привыкли, что после любой лжи я сначала закрываю дыру.

— Поэтому ты отдала код?

— Я три раза спросила, законно ли это! — Софья повышает голос, и женщина за соседним столом оборачивается. Дочь сразу прижимает шарф к груди. — Папа сказал, документ нужен для подготовки тендера. Черновик, который никуда не уйдёт без твоего подтверждения. Про кредит и квартиру деда я не знала.

Я верю ей в этом. Но код она сфотографировала, конверт заклеила и несколько месяцев молчала.

— Как ты отправила снимок?

Олег попросил исчезающее сообщение, проверил удалённые фотографии и закрыл галерею. Позже написал, что всё получилось и тендер спасён. Софья не спросила, что именно получилось.

Я достаю журнал операций.

— В двадцать один сорок шесть сертификат активировали из гостевой сети банкетного комплекса. Где ты была?

Софья перечитывает строку.

— За сценой. У меня был ноутбук пресс-службы. Папа попросил оставить его в служебном кабинете, чтобы Глеб проверил презентацию.

Пароль лежал под клавиатурой, им пользовались организаторы. Софья входила с этого ноутбука в почту, загружала слайды. Когда она понимает, как это выглядит со стороны, стакан стукается о блюдце.

— Получится, что это сделала я? Мам, там остались мои данные.

Я пересаживаюсь ближе и прошу её поставить ступни на пол. Софья цепляется за мою руку.

— Ты скажешь полиции, что сама дала мне код? Можно ведь сказать, что ты разрешила. Папа всё исправит, он обещал отозвать бумаги.

Я открываю фотографию договора. Напротив адреса отцовской квартиры стоит отметка о регистрации залога.

— Утром он требовал, чтобы я подтвердила всё окончательно. Когда я отказалась, начал вывозить архив.

Софья читает адрес и бледнеет.

— Но это же дедушкина квартира. Ты говорила, никогда её не продашь.

— Поэтому банк и получил её в обеспечение.

Дочь закрывает лицо. Кофемашина за стойкой перемалывает зёрна, официант спрашивает у кого-то про сироп. Мне хочется обнять её и одновременно заставить вернуться в конец мая и позвонить мне. Ни одно желание сейчас не помогает.

— Я обязана сообщить, как код оказался у Олега, — говорю я, когда Софья опускает ладони. — Иначе банк не остановит залог, а полиция не станет искать настоящего подписанта.

— Скажи, что папа сам нашёл конверт. Какая разница, кто его сфотографировал? — Дочь подаётся ко мне, шарф сползает с плеча. — Он всё равно виноват.

Если я совру, Олег получит рычаг против нас обеих. Переписку он сможет предъявить в любой момент и снова заставить Софью молчать.

— Я расскажу правду: ты передала код, потому что отец обманул тебя насчёт моего согласия и назначения документа. Рядом будет отдельный адвокат, который защищает только тебя.

Софья отстраняется.

— Значит, ты сдашь меня.

Раньше я бы сразу начала обещать, что никому не позволю причинить ей вред. Уже по дороге искала бы способ взять последствия на себя. На это Олег и рассчитывал.

— Я не позволю ему отдать тебя вместо себя. Но прикрывать его твоим молчанием не стану. Ты расскажешь всё с адвокатом рядом, а защищаться мы будем фактами.

Дочь сердито стирает слёзы и начинает искать переписку. Исчезающих сообщений нет, зато сохранилась фотография будущей квартиры и подпись Олега: «После тендера оформим. Только не подведи меня с презентацией».

Следом она находит голосовое. Отец просит «не тормошить маму из-за технической ерунды» и напоминает, что семье нужна её взрослость. Софья пересылает оба сообщения мне.

Телефон звонит снова. На экране — «Папа». Дочь смотрит на меня, затем сама отклоняет вызов. Это первое решение против него, которое она принимает без моей подсказки.

Я звоню в юридическую фирму и прошу срочно найти специалиста по цифровым и уголовным делам. Пока секретарь соединяет меня с адвокатом, Софья спрашивает, можно ли ей сегодня не возвращаться домой. Я называю адрес отцовской квартиры: Антон уже там, Олег не останется с ней наедине.

Незнакомый номер появляется на экране ещё до конца разговора. Софья показывает телефон мне, и я отвечаю сама.

Мужчина представляется следователем отдела экономической безопасности. По заявлению Олега Павловича зарегистрирована проверка незаконного использования моей электронной подписи.

Я прошу прочитать, что именно указал заявитель. Следователь листает бумаги; в кафе тихо звякает посуда, Софья смотрит на меня и постепенно перестаёт дышать.

— Олег Павлович сообщает, что резервный код находился у вашей дочери, — произносит мужчина. — По его сведениям, Софья Олеговна самостоятельно воспользовалась сертификатом во время юбилейного мероприятия и подписала документы от вашего имени.

Дочь слышит каждое слово. Она медленно снимает мой шарф и кладёт его между нами, словно больше ни на что не имеет право, даже на эту вещь.

Пока Софья умоляла меня не выдавать её полиции, отец уже назначил её единственной виновной.

Глава 9. Мать виновного

Следователь заканчивает читать заявление Олега, а Софья всё ещё держит мой телефон возле лица. За стеклом студенты бегут через дождь. Дочь перечитывает имя отца на экране, будто там может появиться другая формулировка, если дать странице загрузиться ещё раз.

— Он не мог написать, что это я, — выговаривает она наконец. — Папа сам забрал ноутбук. Сам попросил оставить его за сценой.

Я забираю телефон, пока Софья не позвонила ему. Сейчас любое объяснение Олега станет подсказкой, что говорить следователю. — Ты ничего ему не доказываешь. Сначала адвокат.

Софья тянется через стол, но останавливается, когда я прикрываю экран ладонью. — Мам, если ты расскажешь про код, они решат, что я участвовала. Я отправила фотографию, я оставила ноутбук... Всё сходится на мне.

Она торопится, будто боится сама услышать, как удобно Олег сложил факты. Я звоню Анне Левиной и отхожу к окну всего на два шага. Анна просит сохранить переписку, не давать объяснений без защитника и не позволять Софье возвращаться домой к отцу.

Пока мы говорим, дочь снова открывает чат с Олегом. Доходит до фотографии обещанной квартиры и начинает собирать сообщения в папку. — Адвокату отправлю сама, — говорит она. После паузы всё-таки поднимает глаза. — Только Антону пока не надо.

Я отодвигаю остывшую чашку. Прятать от сына ещё одну часть правды я не позволю. — Он узнает от тебя. Не из протокола и не от отца.

Софья стискивает губы, однако кивает. Телефон вибрирует. Уведомление из «Без ретуши» закрывает экран фотографией с юбилея: Олег заслоняет Глеба, я стою напротив с микрофоном. Заголовок обещает рассказать, как «ревнивая жена владельца “Меридиана” мстит компании ценой жизни ребёнка».

В тексте меня называют финансовым директором, допустившим опасную перевозку, матерью, сорвавшей расследование ради Антона, и женой, начавшей раздел бизнеса после появления внебрачного сына. Между абзацами вставлены снимки Лизы из реанимации. На одном кислородная маска закрывает почти всё лицо девочки; на другом её мать сидит у кровати в том же пуховике, в котором остановила нас возле терминала.

— Я этого не отправляла. — Софья разворачивает ко мне переписку с редактором и листает так быстро, что фотографии не успевают загружаться. — У меня только сцена и пресс-релиз. Палаты нет.

Я сохраняю публикацию целиком и прошу не удалять чат. Снимков в переписке нет, но после последних суток одного моего слова мало. — Отправь адвокату доступ к облаку. Это проверят.

Софья вздрагивает от слова «проверят», но выполняет. Комментарии множатся: «мать убийцы прикрывает сына», «богатые опять отмажутся», «пока они делят любовниц, дети лежат без лекарств». Дочь читает первые строки и захлопывает чехол.

Мать Лизы звонит через минуту. Она не здоровается; за её голосом пищит аппарат, кто-то просит отойти от палаты. — Вы обещали не присылать юристов, а сами отдали фотографии моей дочери этому каналу? Вам мало было лекарства?

Я не пытаюсь перекричать её оправданиями. Говорю только то, что можно проверить: публикация заказная, снимки передавала не я, груз перегрузили в фургон «Вектора».

— Препарат нашли? — сразу спрашивает она.

Я звоню в «Целиору» на втором телефоне и добиваюсь ответа при ней. Резервную партию уже везут из соседнего региона, через три часа препарат обещают доставить в отделение. Только услышав это, женщина перестаёт требовать объяснений.

— Если соврёте, я сама найду журналистов, — предупреждает она уже тише.

Я обещаю прислать номер машины и контакт врача, а фотографии потребовать удалить отдельно. Она отключается. Её дочери нужна доза препарата, а не наши объяснения.

У «Меридиана» нас встречают сотрудники двух смен. Олег успел провести собрание: в общем чате лежит сообщение о возможной задержке зарплат из-за заблокированной кредитной линии и «действий финансового директора». Люди стоят под козырьком, прячутся от дождя и не расходятся, когда я выхожу из машины.

Виктор, водитель медицинского направления, подходит первым. Мокрая кепка темнеет у него в руках; он мнёт козырёк, пока всё-таки решается заговорить. — Инга Андреевна, нам сказали, денег может не быть. У меня ипотека пятнадцатого. Что я должен дома сказать? Что вы с Олегом Павловичем сыновей делите?

За его спиной кто-то требует сначала спасти компанию, потом разводиться. Диспетчер Лариса показывает фотографию Лизы и спрашивает, почему Антона увезли с терминала. Они держатся за первое объяснение, где моя подпись якобы всё исправит.

Я поднимаюсь на ступень, чтобы меня слышали без крика. — Зарплатный фонд сформирован. Моё поручительство по кредиту «Вектора» к нему отношения не имеет. Антон не передал дежурство после аварии — за это он ответит. Но данные изменили позже, рефрижератор вывели по его учётной записи, когда он находился под камерами «Контура», а груз перегрузили в машину «Вектора». Я не подпишу признание, которое закроет эти факты.

Люди переглядываются, однако Виктор не отходит. — Пока вы проверяете, нас закроют, — упрямо говорит он. — Олег Павлович сказал, банк ждёт только вашей подписи.

Елена Витальевна выходит из здания с расчётом зарплат и становится рядом со мной. — Денег на выплаты хватает, — сообщает она людям. — Рассылку о задержке я не согласовывала. Если генеральный директор хочет придержать фонд, пусть оформит приказ под своей подписью.

Несколько сотрудников сразу достают телефоны. Виктор перестаёт мять кепку и смотрит на окна кабинета Олега. Теперь он понимает, кому задавать следующий вопрос.

Из холла выбегает охранник. Полиция приехала с постановлением на обыск у Антона и уже едет в квартиру моего отца.

Я звоню сыну из машины. Он отвечает после долгого гудка; рядом мужчина требует положить телефон на стол. Антон успевает сказать, что адвокат в дороге и дверь он откроет только при понятых.

Когда мы с Софьей входим в квартиру, в прихожей уже стоят чужие ботинки. Следователь читает постановление у письменного стола, двое понятых переминаются возле серванта. Специалист раскладывает пакеты для техники на скатерти, которую мама берегла для праздников. Антон сидит у окна: после дороги снова разболелись рёбра. Рядом адвокат просматривает протокол.

Основание обыска — исчезновение рефрижератора, вмешательство в систему и незаконное копирование корпоративных данных. Олег приложил объяснение, где утверждает, что Антон угрожал получить доступ к документам Глеба и уничтожить следы собственной халатности.

Я кладу перед следователем подтверждение алиби и номер заявления по фургону. — Эти материалы у вас с обеда. Почему вы ищете машину у человека, который в момент угона сидел под камерами?

Следователь не спорит. Он показывает на ноутбук, уже подключённый к переносному диску. — Ваш сын подтвердил, что вынес корпоративные файлы на личное устройство. Часть не относится к его обязанностям.

Антон смотрит на экран. Я знаю эту задержку: так он с детства начинал с половины правды, надеясь, что до второй мы не дойдём. — Что ты скопировал? — Я сажусь напротив, чтобы ему пришлось повернуться.

Сын проводит языком по разбитой губе. Адвокат предупреждает отвечать только по существу. — Журналы маршрутов, выгрузки с датчиков, договоры по медицинскому направлению. Потом увидел доступ Глеба и забрал его кадровые документы. Хотел понять, с какого дня отец готовил назначение.

Я прошу показать всё. Антон открывает папку сам: переписка руководителей, список клиентов «Целиоры», коммерческие предложения и личное дело Глеба. Для защиты рейса половина файлов не нужна.

— Ты понимал, что не имеешь права хранить это дома?

Антон наконец смотрит на меня. — Понимал. Отец удалял журналы. Я полез дальше, потому что хотел доказать, что он меня убирает. Не остановился.

Я прошу адвоката зафиксировать даты копирования и хеши файлов. Журналы могут подтвердить подмену, кадровые документы и клиентская база всё равно останутся нарушением.

Следователь сообщает, что технику изымают, а Антону нужно проехать на дополнительный допрос. Софья выходит из своего угла и пытается рассказать про ноутбук с юбилея, но адвокат останавливает её: одно сбивчивое объяснение сейчас свяжет дела брата и сестры.

Антон берёт куртку и пытается застегнуть молнию. После двух движений бросает — бандаж мешает наклониться. Я подхожу и соединяю замок сама. Он стоит передо мной, как в детстве перед школой, только теперь выше и пахнет больницей. — Не смотри так, — просит сын вполголоса. — Я не пропаду за сорок восемь часов.

Я застёгиваю молнию до подбородка и только после этого отпускаю куртку. — Тебя ещё не задержали. Не помогай им привыкнуть к этой мысли раньше времени.

Он кивает и обещает говорить только при адвокате. Я провожаю их до лифта. Через двадцать минут следователь возвращается из коридора один и складывает постановление пополам.

— Инга Андреевна, сейчас решается вопрос о задержании Антона Олеговича на сорок восемь часов.

Глава 10. Выбирай сына

После ухода следователя квартира быстро пустеет. Понятые забирают куртки, специалист уносит ноутбук Антона в сером пакете, на маминой скатерти остаются круги от стаканов и земля с чужих рукавов. Софья закрывает дверь и прислоняется к ней спиной, будто не уверена, что замок удержит следующего человека.

Адвокат Антона сообщает по телефону: сына везут в отдел, допрос начнут после медицинского осмотра, решение о задержании будет в течение часа. Пока он перечисляет основания для жалобы, я фотографирую протоколы и раскладываю их в том порядке, в котором отец хранил бумаги. Мне нужно делать хоть что-то, иначе я поеду вслед и начну требовать то, чего сейчас нельзя получить криком.

Софья ходит от окна к двери. Телефон у неё вибрирует в ладони, но она не смотрит на экран. — Папа пишет, — говорит дочь. — Спрашивает, пустили ли Антона домой.

Я прошу показать. Там другое: «Не позволяй матери втянуть тебя глубже. Я могу всё остановить». Софья перечитывает вместе со мной и впервые не ищет оправдания. — Он знает, что Антона увезли. Следователь же пришёл по его заявлению.

Я сохраняю сообщение и прошу ничего не отвечать. За окном темнеет, от старой рамы тянет холодом. Отец зимой заклеивал щели бумажной лентой и сердился, когда я предлагала поменять окна. Квартиру, которую он так берёг, Олег уже успел вписать в чужой кредит.

Звонок раздаётся, когда я открываю приложение банка и вижу всё ещё приостановленную регистрацию залога. На экране домофона стоит Олег с папкой под мышкой. — Инга, открой. У нас меньше часа, — говорит он вместо приветствия. — Я привёз документы по Антону.

Софья появляется в коридоре и сразу просит не впускать его. Олег наверняка слышит дочь через дверь, но не зовёт.

Я включаю запись, оставляю цепочку и приоткрываю дверь. — Папку положи на пол.

Он смотрит на цепочку. Раньше в эту квартиру входил со своими ключами и ещё в прихожей жаловался на старую мебель. Сейчас ему приходится наклониться и поставить документы между нами. — Там оригинальная телеметрия. Она подтверждает, что Антон не отключал датчики.

Я тянусь к папке, но Олег прижимает её носком ботинка. — Сначала договариваемся. Потом журнал уходит следователю.

Я снимаю цепочку только после того, как Анна подтверждает по телефону, что запись включена. Олег проходит в гостиную, замечает следы обыска, но ни о сыне, ни о дочери не спрашивает. Он занимает отцовское место у стола и раскладывает бумаги: соглашение, гарантия, новая структура, отказ от претензий. Журнал датчиков оставляет под ладонью.

— Если он подтверждает невиновность Антона, ты обязан передать его сейчас.

Олег не отдаёт папку. — Полной невиновности там нет. Сигнал был, Антон не передал рейс после аварии. Но журнал показывает короткий технический сбой. Этого хватит снять подозрение в намеренной порче. По машине я подтвержу: распоряжение о санитарной обработке дал заместитель.

Он не называет фамилии. На каждое обещание оставляет себе возможность отступить. — Кто перегрузил препарат в фургон «Вектора»?

Олег листает уже открытый договор, выигрывая несколько секунд. — Сначала вернём сына домой. Потом проведём внутреннюю проверку без цирка и журналистов.

Раньше эта интонация означала, что он берёт проблему на себя. Теперь я вижу, как он прячет самое важное за словом «потом».

Первый пункт соглашения утверждает назначение Глеба и решения совета, проведённого без меня. Следом идут законность резервного сертификата, поручительство по кредиту «Вектора» и отказ от проверки связанных компаний.

— Ты хочешь, чтобы я признала собственной подписью то, что оформил без меня.

Олег двигает стул ближе, стараясь вернуть разговору деловой вид. — Я хочу остановить обвал. Банк откроет линию, зарплаты уйдут вовремя, «Целиора» увидит единую команду. Ты остаёшься финансовым директором до передачи направления и контролируешь расчёты. Никто тебя не выгоняет.

Последнюю фразу он произносит почти мягко. Двадцать шесть лет я считала место рядом с ним своим, а теперь он предлагает оставить меня в компании, которую строил на моих деньгах.

— В соглашении нет возвращения Антона.

Олег наконец убирает ладонь с журнала, однако папку не открывает. — Я отзову корпоративные претензии и подтвержу алиби. Софье оплачу адвоката. Заявление уточним: она действовала по ошибке, без умысла. Квартиру твоего отца выведем из залога, когда банк примет замену.

Из спальни доносится щелчок. Софья приоткрыла дверь и слушает. — Ты уже написал, что подписью воспользовалась она, — напоминаю я. — До того, как предложил адвоката.

Олег понижает голос, чтобы дочь не услышала: — Банку нужен был источник доступа. Если бы я указал себя, остановили бы все операции. Соня молодая, без судимости. Она выполняла поручение и не понимала последствий. Для неё это безопаснее, чем для компании.

Дверь открывается. Софья выходит босиком и останавливается у стены. — Ты сказал, что ничего не использовал. Мама спросила тебя прямо.

Олег сбивается всего на секунду. Потом собирает документы в стопку, будто освобождает между ними место. — Сонь, я объясню. Там техническая история, юристы...

Софья не позволяет ему закончить. — Ты уже объяснил следователю. Написал, что это сделала я.

Я вижу, как он ищет знакомый способ вернуть её на свою сторону: напомнить про квартиру, назвать взрослой, пообещать всё исправить. При мне ни один не сработает, и Олег выбирает раздражение.

— Потому что ты оставила ноутбук и передала код. После соглашения заявление скорректируют.

Софья отступает к спальне, но дверь не закрывает. — Уходи, пап.

Он делает вид, что не расслышал, и снова поворачивается ко мне. — Антон в отделе. Если его задержат, публикация станет вдвое хуже, «Целиора» уйдёт, банк потребует досрочного погашения. Ты можешь остановить это одной подписью.

На последней странице соглашение запрещает мне инициировать аудит «Вектора» и обязывает работать до завершения передачи направления. Олегу нужно, чтобы я ещё несколько месяцев закрывала кассовые разрывы, пока он переносит маршруты Глебу.

Телефон звонит с незнакомого номера. Я слышу голос Антона и включаю громкую связь. — Мам, ты одна? — спрашивает он. На фоне хлопает металлическая дверь, мужчина напоминает о двух минутах.

Я смотрю на Олега, который всё ещё удерживает журнал. — Отец принёс соглашение. За оригиналы и алиби требует признать Глеба, гарантии «Вектора» и прекратить проверку.

Антон молчит несколько секунд; я слышу, как неровно он втягивает воздух. — Не подписывай. Даже если оставят.

Олег придвигается к телефону. Спокойствия ему хватает только на начало. — Антон, прекрати. Ты вынес клиентскую базу и чужие документы. Мать может вернуть тебя домой, а ты опять заставляешь её разгребать последствия.

Сын отвечает после паузы, и в его голосе меньше злости, чем усталости. — Я полез в файлы сам. За это отвечу. Но машину выводил не я, данные менял не я. Если мама подпишет, ты похоронишь проверку и скажешь, что мы всё признали.

Олег ждал срыва и не получает его. — Думаешь, двое суток в камере сделают тебя принципиальнее? Там никто не будет носиться с твоими рёбрами.

Я придвигаю телефон к себе. — Адвокат рядом?

Антон отвечает сразу, будто боится, что связь оборвётся раньше. — Да. Мам, не приезжай без него и не отдавай компанию ради меня. Пожалуйста.

Связь обрывается. Олег открывает ручку и кладёт её поверх соглашения. — Выбирай. Компания и наш сын — или твоя гордость.

Так он раньше просил взять ещё один кредит, перенести отпуск, не спорить перед сотрудниками. Только сейчас на столе лежат заявление против дочери, залог моей квартиры и доказательство, которое он удерживает, пока сына оформляют в камеру.

Я закрываю соглашение и подвигаю папку к нему. — Ты уже выбрал сына. Теперь я выберу своего.

Олег не сразу забирает документы. Смотрит на меня, потом на Софью в дверях, будто ещё ждёт, что кто-то испугается раньше него. — Когда Антон проведёт ночь в отделе, не звони мне. И сотрудникам сама объяснишь, почему завтра не будет денег.

Он уходит, не попрощавшись с дочерью. Софья закрывает дверь на оба замка.

Сообщение от адвоката приходит почти сразу: задержание Антона оформлено на сорок восемь часов, сейчас добиваются осмотра врача и готовят жалобу. Я читаю вслух, чтобы Софья не додумывала хуже, и набираю Анну.

Вместо неё звонит служба безопасности банка. Сотрудница просит подтвердить уведомление: из-за спорной электронной подписи, заявления генерального директора и риска вывода активов мои личные счета временно заблокированы. Я открываю приложение. Суммы остаются на месте, но под каждой появляется серая строка «операции недоступны».

На одном экране лежит счёт за защиту Антона. На другом — деньги, которыми я больше не могу распорядиться.

Глава 11. Сорок восемь часов

После звонка из банка я ещё несколько секунд смотрю на серые строки под счетами. Деньги никуда не исчезли. Я вижу остатки, проценты по вкладу, даже вчерашнее списание за парковку. Просто распорядиться ими теперь нельзя.

Софья стоит за моим плечом и читает уведомление вместе со мной.

— А адвокату Антона как платить?

Первое, о чём она спрашивает, — брат. Вчера я бы ухватилась за это как за доказательство, что всё между нами можно быстро исправить. Сегодня только закрываю приложение и набираю Анну Левину. Она отвеч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.